

А. М. Плотникова
Екатеринбург, Россия

«НЕНАДЕЖНЫЕ РАССКАЗЧИКИ» В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. В статье литературоведческое понятие «ненадежный рассказчик» применяется к анализу публицистических текстов, в которых автор осознанно усложняет субъектную перспективу, делегируя свою точку зрения другим лицам. Через ссылки на источники информации, в качестве которых обычно выступают лица, называемые экспертами, автор вводит в картину мира читателя необходимую информацию. Данный прием речевой манипуляции служит способом ухода от юридической ответственности за клевету и распространение порочащей информации. Автор трансформирует информацию, переплетая истинное с ложным и вовлекая читателя в интеллектуальную игру. Рассматриваются языковые приемы создания образа «ненадежного рассказчика» и их связь с синтаксическими категориями модальности и эвиденциальности: 1) использование проекции, когда говорящего замещают разные субъекты. С целью повышения доверия к этим субъектам журналист использует ссылки на осведомленность этих лиц (например, «как считают участники рынка» или «хорошо информированный источник подтвердил эту информацию»); 2) ссылка на слухи. Слухи имеют обычно нарративный характер: информация, которая передается в высказываниях со ссылкой на слухи, чаще всего фактологическая; 3) имплицитная форма представления совокупного мнения; 4) смена источников мнений. Эксперт-лингвист, фиксируя показатели мнения, ведущие к возможным информационным альтернативам, которая создается в журналистском тексте многоголосием рассказчиков, осуществляет семантическую декомпозицию высказывания и извлекает фактологическую информацию, отделяя факт от мнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; лингвистика лжи; эвиденциальность; публицистические тексты; публицистический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, кафедра современного русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: annamp@yandex.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В современной нарратологии «ненадежный рассказчик» — это нарратор, чей рассказ оказывается ложным. Понятие «ненадежного рассказчика», введенное У. Бутом в 1961 г., в литературоведении получило глубокое осмысление как способ литературных мистификаций, игры с читателем. Т. Хейд пишет о том, что при изучении «ненадежного» повествования важна степень осознанности и намеренности искажения информации: он может делать это намеренно (например, доктор Шепард в «Убийстве Роджера Акройда» А. Кристи), частично осознанно (например, дворецкий Стив из «Остатка дня» К. Исигуро) или ненамеренно, что связано с недостатком у него интеллектуальных способностей [Хейд 2006: 227].

Лингвистическое осмысление феномена ложного высказывания начинается с классической работы Х. Вайнриха «Лингвистика лжи», в которой ложь представляет собой неотъемлемое свойство языка: «...языковая ложь, если понимать вещи буквально, — это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т. д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предположение, так любимое логикой» [Вайнрих 1987: 46].

Лингвистическая сторона неискренности, лицемерия, лжи рассматривается в работах

В. С. Кучко, А. В. Ленец, Н. Н. Панченко, С. Н. Плотниковой, В. И. Шаховского. На материале разных языков исследуется концептуализация обмана (Н. А. Земскова, А. Д. Кошелев, И. Кубинова, Н. К. Рябцева, И. Э. Федюнина и др.). В. А. Маслова пишет: «Нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [Маслова 2004: 221].

В зарубежной лингвопрагматике существует понятие «речевого акта лжи» («the speech act of lying»). А. В. Ленец вводит понятие ложного речевого акта, называя им «вид речевого действия, при совершении которого отправителем намеренно нарушается ожидаемое получателем соблюдение принципов и правил речевого общения» [Матвеева, Ленец, Петрова 2014: 105]. Помимо ложных речевых актов, существуют речевые жанры, основанные на обмане, к примеру, донос.

В юридической сфере обман вездесущ: он входит в коммуникативное поведение обвинителя и адвоката, выполняющих свои социально обусловленные задачи. К обману прибегает обвиняемый, выстраивая линию собственной защиты или пользуясь правом

не свидетельствовать против себя и своих родственников.

В то же время существует уголовная ответственность за сообщение ложных сведений (ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос»; ст. 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»; ст. 128 «Клевета», ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»). Обман осуждается с этических позиций, что закреплено кодексами корпоративной этики журналиста. Необходимо подчеркнуть, что в толковании статей закона и кодексах корпоративной этики содержится слово «заведомо», указывающее на умышленный характер сообщения ложной информации.

Переходя к трактовке лжи в аспекте лингвистической экспертизы текста, отметим, что эта тема возникает в связи с разными категориями дел. Например, при проведении экспертизы допросов следственные органы выносят в постановлении вопрос: «Присутствуют ли в репликах Х признаки конструирования ложных сообщений?». Научная дискуссия о том, является ли правомочным определение надежности свидетельских показаний, ведется еще с начала XX в., а в последние годы разгорелась вновь в связи с выходом монографии «Судебная психологическая экспертиза выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства» [Енгальчев, Кравцова, Холопова 2016].

Для лингвоэкспертной практики тема недостоверности сказанного возникает в связи с делами о клевете и защите чести, достоинства и деловой репутации. Понятие порочащих сведений определено законодателем следующим образом: «Порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства или моральных принципов (совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность — репутацию), которые умаляют его честь и достоинство».

Перед экспертом-лингвистом органы дознания или судебно-следственные органы зачастую ставят вопрос, безусловно выходящий за пределы компетенции эксперта: «Носят ли сведения порочащий характер?». Как видно из определения порочащих сведений, их категориальным признаком является несоответствие действительности, что не может быть установлено экспертом.

Лингвист не вправе определять правдивость или ложность сведений, верифицировать высказывания — это дело суда, но лингвист выявляет те фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом.

Известно, что при разграничении утверждений как верифицируемых суждений и субъективно-оценочных высказываний, которые не подлежат верификации, эксперты обращают внимание на формальные показатели мнения: лингвисты «выявляют фрагменты текста, которые могут быть верифицированы судом, потому что имеют языковую форму утверждений о фактах, выражающих знание автора, и те, которые не могут быть верифицированы, потому что имеют форму выраженного мнения» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 111—112].

Является ли способом ухода от ответственности наличие в высказывании ссылок на некие источники информации? Безусловно, нет. Например, в высказывании «*По информации источников издания, компания Х осуществляет поставки запчастей, игнорируя решение суда*» содержится фактологическая информация о том, что компания Х поставляет запчасти, игнорируя решения суда. Перед нами утверждение со ссылкой на источник информации. Такого рода ссылки снижают категоричность сказанного за счет указаний на некие источники, но не переводят высказывание в разряд мнений.

Такой прием речевого воздействия, как ссылка на неизвестный источник, активно используется журналистами. А. Н. Баранов пишет: «Автор текста далеко не всегда хочет нести ответственность за негативную информацию, которую по разным причинам передает адресату. В этом случае часто используется прием ссылки на неизвестный источник, который по большей части невозможно проверить, — *по слухам, по непроверенной информации, по сообщениям прессы, по информации из осведомленных источников*. Понятно, что ссылка на неизвестный источник не предполагает наличия этого источника» [Баранов 2007: 236].

С семантико-синтаксической точки зрения ссылки на разнообразие источников сведений о ситуации формируют категорию эвиденциальности (засвидетельствованности, пересказываемости), примыкающую к сфере модальности. Е. В. Падучева пишет: «В языках с грамматикализованной эвиденциальностью высказывание о факте, т. е. о событии, которое говорящий сам видел или в котором сам принимал участие (прямая эвиденциальность), грамматически противопоставлено высказываниям с косвенной эвиденциальностью, где говорящий основыв-

вается на данных, которые ему сообщили (цитатив); сообщает результат своих умозаключений (инферентив); то, что ему показало (имперцептив) и т. п.» [Падучева 2016: 25]. Отмечается, что «эвиденциальность взаимодействует с эпистемической модальностью, при этом эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень достоверности сообщаемой им информации, а эвиденциальность маркирует источники информации, на которых говорящий основывает свое высказывание, — тем самым частично снимая с себя ответственность за достоверность информации» [Там же].

Как показывает практика, журналисты на основании имеющихся мнений разных лиц формулируют выводное суждение, превращая цитатив в инферентив. Например, в статье С. Леонова «Людей Бурматова подозревают в вымогательстве» вся информация изложена в виде мнений разных лиц. По сути, предметом судебного иска к журналисту становится лишь заголовок статьи, который представляет собой выводное суждение.

Ксенопоказатели, связанные с передачей чужой речи, содержатся в высказывании «Тренеры утверждают, что организаторы соревнований закрыли глаза на все нормы и правила, выставив на ринг ребенка, имеющего медицинские противопоказания». Предложение начинается с прямого указания на источник информации, и данное средство служит эксплицитным средством выражения категории эвиденциальности. Имплицитное выражение чужого мнения заключено во фразеологизме «закрывать глаза», который относится не к сфере авторской речи, а к сфере чужой речи, то есть слов тренеров, которые сообщают о причинах случившегося.

Рассмотрим приемы, работающие на образ «ненадежного рассказчика» и свидетельствующие о попытке автора переложить ответственность за сказанное на неопределенный круг лиц.

1. Использование проекции, когда говорящего замещают разные субъекты. С целью повышения доверия к этим субъектам журналист использует ссылки на осведомленность этих лиц (например, «как считают участники рынка» или «хорошо информированный источник подтвердил эту информацию»).

В качестве обобщенной номинации выступает слово «эксперты». По словам О. В. Ширяевой, «субъект речи, репрезентирующий концепт „эксперт“, может быть классифицирован как „персонализированный“ (индивидуальный/коллективный) и „анонимный“. Анонимный субъект чаще всего пред-

ставлен во множественном числе: *аналитики, эксперты, финансисты, банкиры, чиновники, экономисты, большинство экспертов, команда экспертов*. Значительно реже встречаются упоминания анонимного субъекта в единственном числе: такие случаи нетипичны, поскольку сам принцип экспертизы предполагает ответственность источника информации. Как правило, в медиатекстах это обусловлено прагматической ситуацией: интервьюируемый не желает называть себя, но дает согласие на публикацию своего комментария» [Ширяева 2014: 289].

Если попытка скрыть авторский голос за голосами других лиц иногда оказывается успешной, то в некоторых случаях выбор номинации для источника получения информации сомнителен, например, вряд ли наименование группы «местные старожилы» объясняет осведомленность этих лиц о политической ситуации в регионе: «*Местные старожилы рассказывают, будто дело было на пьянке у бывшего владельца Р-ского завода, которого развели на спор завалить Брускова на очередных выборах*». В другом высказывании «*Осенью 2014 года агентство уже писало о недовольстве клиентов косметического салона. Тогда свердловчане тоже жаловались на плохое самочувствие и взятые против своего желания невыгодные кредиты*», скорее всего, речь идет о более узкой референтной группе, чем группа, для обозначения которой выбрано слово «свердловчане».

2. Ссылка на слухи, например: «*По городу ходят слухи, что Л. берет 13 % с подрядчиков и делится с Б.*». Слухи имеют обычно нарративный характер: информация, которая передается в высказываниях со ссылкой на слухи, чаще всего фактологическая. Ссылки на слухи позволяет автору дистанцироваться от сказанного, вместе с тем показывая, что распространенность информации, участие многих людей в передаче этой информации свидетельствует о том, что она является, скорее всего, надежной. Ссылка на слухи не избавляет автора от ответственности за передачу информации.

3. Имплицитная форма представления совокупного мнения. Интересным примером может быть высказывание «*Дипломы Х-ского университета не котируются*», где глагол «*котироваться*» употреблен в значении 'получать, иметь ту или иную оценку в глазах общества, какой-либо группы людей, признаваться важным, значительным' и является синонимом слов *цениться, расцениваться*.

Семантика глагола «котироваться» содержит инкорпорированный образ наблюдателя, что отражено в словарном толковании:

«иметь ту или иную оценку в глазах общества, какой-либо группы людей». Семантическое протоколирование высказывания «Дипломы Х-ского университета не копируются» позволяет представить значение этого высказывания в виде следующей формулы: «Какая-либо группа людей, представители общественности считают, что дипломы Х-ского университета оцениваются невысоко». В высказывании содержится негативная информация о сложившемся стереотипе качества образовательных услуг, которые предоставляет университет.

Совокупное мнение может передаваться при помощи глаголов, например: *«Цепочка перепродаж молока, организованная С-ым, называется одной из причин срочной отставки С-на с березовского комбината: считается, что он закупал молоко через собственные компании по заниженным ценам, а продавал своему работодателю по более высокому»*.

4. Смена источников мнений. Например, в заметке «Говорят, начальника N-ской железной дороги забирают на другую работу! Самые крутые слухи недели» использовано несколько ссылок на неизвестный источник: во-первых, публикация в целом сопровождается указанием «Самые крутые слухи недели», во-вторых, использован показатель авторизации «говорят». Далее в высказывании «Инсайдерские источники в окружении главы РЖД Владимира Якунина утверждают — С. руководство N-ской магистралью не тянет, и это признают даже его покровители в РЖД» появляются «инсайдерские источники» и «покровители в РЖД». В заключительной части заметки появляется вводная конструкция «по словам слухмейкеров». Постоянная смена точек зрения не способствует повышению читательского доверия к излагаемой информации.

Конфликт между эпистемической модальностью и эвиденциальностью наблюдается в примере «Выяснилось, что организовал новый вид бутлегерства, по неподтверждённой информации, некто Д. Р.». С одной стороны, информация не подтверждена, а с другой стороны, выбор глагола «выяснилось» предполагает, что информация стала ясной, получила какое-то подтверждение. Глагол «выясниться» относится к группе верификаторов, или фактологических предикатов, наряду с *подтвердилось, обнаружилось, было доказано, было установлено* и т. д.

Проведенное обобщение способов передачи чужого мнения с целью ухода автора от ответственности за сообщаемую информацию свидетельствует о том, что такого рода делегирование своих полномочий позволяет говорящему трансформировать информацию, переплетая истинное с ложным.

Н. К. Рябцева пишет: «Субъект обмана имеет две четко противопоставленные, противоположные цели — одну настоящую, но тайную и скрываемую, и другую — „представляемую“, „предъявляемую“, демонстрируемую, но фиктивную. Их „совмещение“ требует от субъекта определенных свойств и дополнительных усилий, а от объекта — способности видеть в наблюдаемом ненаблюдаемое» [Рябцева 2005: 167].

Критически настроенный читатель получает определенное интеллектуальное удовольствие, разоблачая «ненадежного» рассказчика. Эксперт-лингвист, фиксируя показатели мнения, ведущие к возможностям информационной альтернативы, которая создается в журналистском тексте многоголосием рассказчиков, осуществляет семантическую декомпозицию высказывания и извлекает фактологическую информацию, отделяя факт от мнения. Главное, чтобы сам эксперт не становился при этом «ненадежным рассказчиком».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. — М.: Флинта-Наука, 2007.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 44—87.
4. Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : моногр. — М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
5. Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132—145.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. — Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
7. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. — М.: Флинта-Наука, 2014. 232 с.
8. Падучева Е. В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. — СПб.: Нестор история, 2016. С. 19—94.
9. Рябцева Н. К. Этические знания и их предметное воплощение // Логический анализ языка: языки этики. — М., 2000. С. 178—184.
10. Ширяева О. В. Репрезентация концепта «эксперт» в дискурсе деловой прессы // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 284—291.
11. Heyd T. Understanding and handling unreliable narratives: A pragmatic model and method // Semiotica. 2006. Vol. 162. P. 217—243.

A. M. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

“UNRELIABLE NARRATORS” IN FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS

ABSTRACT. *The paper uses literary term “unreliable narrator” in the analysis of publicistic texts in which the author deliberately makes subjective perspective more difficult delegating his view to the other people. The author introduces the necessary information in the readers’ worldview with the help of references to information sources, which are usually people, called experts. This device of speech manipulation is a way to escape legal responsibility forlander and discrediting information. The author transforms the information, intertwining truth and lie, thus involving the reader in intellectual game. Language devices used to create the image of “unreliable narrator” and their connection with syntactical categories of modality and evidentiality are discussed: 1) the use of projection when the speaker is substituted by different subjects. To increase trust to these subjects, journalists use references to awareness of these people (for example, “the marketplace believes that” or “a well-informed person proved this information to be true”); 2) reference to gossip. Gossip is usually of narrative nature: information that circulates with reference to gossip, usually factological. 3) implicit form of collective opinion; 4) change of sources. Forensic linguist fixates opinions that lead to information alternative that is created by the journalist via a chorus of narrators, and resorts to semantic decomposition of the statement revealing factological information separating a fact from an opinion.*

KEYWORDS: *forensic linguistic expertise; linguistics of lie; evidentiality; publicistic text; publicistic discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: Plotnikova Anna Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Modern Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. — M. : Flinta-Nauka, 2007.
2. Bel'chikov Yu. A., Gorbanevskiy M. V., Zharkov I. V. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI : sb. materialov. — M. : IPK «Informkniga», 2010.
3. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987. S. 44—87.
4. Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchaemoy uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy) : monogr. — M. : Yurlitinform, 2016. 328 s.
5. Kukushkina O. V. Negativnaya informatsiya: utverzhdenie o fakte ili vyrazhenie mneniya // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2016. № 3 (43). S. 132—145.
6. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie. — Minsk : TetraSistems, 2004. 256 s.
7. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. Osnovy pragmatolingvistiki. — M. : Flinta-Nauka, 2014. 232 s.
8. Paducheva E. V. Modal'nost' // Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol. Ch. 1. — SPb. : Nestor_istoriya, 2016. S. 19—94.
9. Ryabtseva N. K. Eticheskie znaniya i ikh predmetnoe voploshchenie // Logicheskiy analiz yazyka: yazyki etiki. — M., 2000. S. 178—184.
10. Shiryayeva O. V. Reprezentatsiya kontsepta «ekspert» v diskurse delovoy pressy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 284—291.
11. Heyd T. Understanding and handling unreliable narratives: A pragmatic model and method // Semiotica. 2006. Vol. 162. P. 217—243.